

И. Д. Панькин
УралГУФК, г. Челябинск

ИСТОРИКИ О СОЗДАНИИ УРАЛЬСКОЙ ПЛАНОВОЙ КОМИССИИ (УРАЛПЛАНА) В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

История создания и деятельности Уралплана и его местных плановых органов привлекала большое внимание советских историков в силу известных идеологических причин. В.В. Ножкин, В.С. Голубцов, В.Н. Зуйков, А.В. Бакунин, А.Э. Бедель, А.В. Мельников подчеркивали плановый характер советской экономики, отмечали научный и закономерный характер советского планирования, видя в его наличии принципиальное отличие социалистической экономики от капиталистической. Современные историки А.В. Бакунин, К.И. Зубков, Б.В. Личман, А.В. Мельников, А.И. Тимошенко, П.В. Поздеев, В.А. Флягин считают советское директивное промышленное планирование одной из наиболее показательных черт мобилизационного или тоталитарного типа советской экономической модели.

Уральские исследователи отмечают, что процесс образования плановых органов на Урале происходил не просто.

А.В. Мельников указывает, что Уральская плановая комиссия исполнительного комитета Уральского областного совета РКК и КД, орган, осуществлявший государственное планирование народного хозяйства Урала и контроль за выполнением народнохозяйственных планов была образована Уральским экономическим совещанием (Уралэконо) 3 декабря 1921 г.¹ П.В. Поздеев пишет, что 7 декабря 1921 г. был создан Вятский губплан. На него была возложена функция выработки перспективного плана развития губернии и текущее планирование².

По нашему мнению, такая постановка проблемы следует за простым прочтением принятых уральскими органами решений и не учитывает целый ряд факторов. Во-первых, инициатива, исходящая с мест в условиях еще не законченного «военного коммунизма», с его четко выстроенной вертикалью власти, не была «понята» вышестоящими органами, ибо забежала вперед процесса создания республиканского планирующего органа. 8 июня 1922 г. было опубликовано постановление ВЦИК от «Об организации областных плановых комиссий», конкретизирующее декрет ВЦИК и СНК, утвердивший Положение о Государственной общеплановой комиссии (Госплан РСФСР). В этом документе подчеркивалось, что Госплан в своей работе должен опираться на плановые комиссии хозяйственных наркоматов и на областные плановые комиссии, разрабатывающие на основе предварительных указаний Госплана планы по соответствующим

отраслям хозяйства и областям Советской Федерации и представляющие их в Госплан для окончательной сводки и внесения на утверждение СТО³.

Во-вторых, Уральская плановая комиссия, претендующая на областной характер деятельности, не могла быть образована до момента создания Уральской области. В. В. Ножкин справедливо обращал внимание на то, что Уралплан появился только после образования в ноябре 1923 г. Уральской области⁴. Историки указывают, что до этого времени плановые документы по промышленности губернского подчинения утверждались в ГубЭКОСО и президиуме губисполкома⁵. П. В. Поздеев подчеркивает, что субъектами планирования выступали Вятский ГубСНХ и его структурные подразделения. Отраслевые секции его отделов утверждали производственные программы предприятий. Например, в первой половине 1921 г. секция сельскохозяйственного машиностроения утвердила программы нескольких заводов. Но поскольку программы были составлены без учета организации снабжения и сбыта продукции, их выполнение было сорвано⁶.

Изучение источников показывает, что только после образования Уральской области началось формирование областных органов управления и были утверждены официальные документы о деятельности плановых органов Урала. Первое положение об Уралплане было принято Уралоблисполкомом 16 января 1924 г. В задачи Уралплана входили: разработка планов, направленных на развертывание торговли как формы связи между промышленностью и сельским хозяйством, обеспечение быстрого роста сельского хозяйства как поставщика сырья для промышленности и продовольствия для городов, развитие внутреннего рынка, упорядочение финансов и денежного обращения, создание ресурсов для восстановления и развития тяжелой промышленности как базы реконструкции экономики страны. Особо подчеркивалась необходимость разработки и проведения «мероприятий по развитию местной хозяйственной инициативы и самостоятельности в целях повышения уровня производительных сил общества, максимального использования местных естественных богатств»⁷.

Анализ этого документа позволяет оценить направленность экономической политики местных органов власти на Урале в 1920-е гг. Она была полностью подчинена реализации новой экономической политики, ибо деятельность Уралплана была направлена на развитие всех отраслей уральского хозяйства, а не только промышленности. Следует согласиться с наблюдением К. И. Зубкова, который указывает, что когда в 1920-е гг. Уралплан приступил к разработке перспективных проектов промышленного развития, они разрабатывались «в рамках нэповской рыночной конъюнктуры»⁸. Когда в декабре 1923 г. была сформирована промышленная секция в составе Вятского губплана, по наблюдениям П. В. Поздеева перед ней была поставлена задача правильного опреде-

ления долгосрочных приоритетов промышленного развития вятского края. По его словам, «объектами планирования являлось промышленное развитие предприятий и трестов местного подчинения (спичтреста, бумтреста, химдрентреста и комбината местной промышленности)»⁹.

В. В. Ножкин писал, что после неоднократных изменений сложилась следующая структура Уралплана: президиум, секретариат, управление делами, секторы сводного планирования тяжелой и легкой промышленности, энергетики и топлива, легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства, строительства, местного и коммунального хозяйства, транспорта и связи, товарооборота и снабжения, финансов, обороны, культуры и быта, труда и кадров, научно-исследовательское бюро стандартизации, издательская групп. В отдельные периоды функционировали секции развития производительных сил Севера, экспортно-импортная комиссия. Административными правами Уралплан не пользовался. Его решения вступали в силу после утверждения облисполкомом¹⁰.

Современными исследователями были восстановлены личности, возглавлявшие деятельность Уралплана в 1920-е гг. Председателями Уралплана работали А. В. Семченко (декабрь 1923–1924) и Л. Е. Гольдич (1924–1929). Первым заместителем председателя Уралплана на протяжении всего этого периода работал известный уральский партийный и хозяйственный деятель Б. В. Дидковский. А. В. Мельников отмечает, что наибольший вклад в организацию планирования уральского хозяйства внесли Н. А. Алексеев, В. Н. Андроников, В. Е. Грум-Гржимайло, В. А. Гассельблат, Я. А. Истомин, Ф. М. Казанский, Д. И. Казанцев, К. И. Клименко, Н. Е. Ишмаев, Н. И. Медников, В. С. Немчинов, И. Г. Рубенштейн, М. А. Сигов, М. А. Соловов, П. В. Степанов, Б. И. Эвенчик¹¹.

Следует заметить, что долгое время работники плановых органов Урала оставались «персонами нон грата» в уральской историографии. Дело объясняется тем, что многие из них в 1930-е гг. были подвергнуты репрессиям (В. А. Гассельблат), либо покончили жизнь самоубийством, не дожидаясь пока их коснутся репрессии (Л. Е. Гольдич). Биографических очерков удостаивались в советское время немногие харизматические лидеры плановых органов Урала, такие как В. Н. Андроников¹², Б. В. Дидковский¹³, В. С. Немчинов¹⁴. Лишь в современной уральской историографии начали раскрываться имена всех работников плановых органов Урала.

Деятельность уральских плановых органов в годы нэпа нашла освещение даже в зарубежной историографии. Английский историк Дж. Харрис, анализируя выступление на Всесоюзном съезде планирующих органов в марте 1925 г. председателя Уралплана Л. Е. Гольдича, указал на то, что региональные руководители постоянно жаловались на нехватку государственных инвестиций в промышленность, завышая контрольные цифры. Например,

при подготовке плана на 1926/27 хозяйственный год Уралпланом на промышленное строительство были заявлены капитальные затраты в 41 млн руб. (при обещанных 33 млн), затем эта цифра была сокращена до 24 млн, в реальности же уралыцы получили капиталовложения в еще меньших объемах¹⁵. По нашему мнению, данное замечание не совсем корректно, ибо съезд поддержал выступление председателя Уралплана, отметив, что для большинства предприятий региона была характерна техническая отсталость, для ликвидации которой требовались огромные государственные вложения¹⁶.

По нашему мнению, изучение создания Уралплана показывает, что современным исследователям следует отказаться от практики простого копирования и комментирования имеющегося в их распоряжении источникового материала.

Примечания:

¹ См.: Мельников А. В. Уралплан // Екатеринбург: Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 574.

² Поздеев П. В. Планирование развития местной промышленности в 1921–1925 гг. (На примере Вятской губернии) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.: мат.-лы междунар. науч. конф., посв. 350-летию Н. Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург, 2006. С. 246.

³ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1922. № 40. Стб. 468.

⁴ См.: Ножкин В. В. К истории районирования и перестройки системы местных Советов Урала (1923–1930 гг.) // Вопросы теории и истории государства и права и государственного права. Свердловск, 1957. Т. 4. С. 324.

⁵ См.: Работы Вятского губплана. Вятка, 1923. С. 2.

⁶ Поздеев П. В. Указ. соч. С. 246.

⁷ См.: Хозяйство Урала. 1924. № 2. С. 14.

⁸ Зубков К. И. Геоэкономические основания Урало-Кузнецкого проекта // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010. С. 53.

⁹ Поздеев П. В. Указ. соч. С. 246.

¹⁰ См.: Ножкин В. В. Указ. соч. С. 324.

¹¹ См.: Мельников А. В. Указ. соч. С. 574.

¹² См.: Андроников В. Н. // Уральская советская энциклопедия. Свердловск-М., 1933. Т. 1; Андроников В. Н. // Сердца отданные революции. Свердловск, 1971; Андроников В. Н. // Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917–1923 гг.). М., 1975.

¹³ См.: Букина М. Н. Материалы к биографии Б. В. Дидковского // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1967. Сб. 7; Букина М. Н., Постнов Ю. С. Революционер-ученый (Б. В. Дидковский). Свердловск, 1969; Дидковский Б. В. // Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917–1923 гг.). М., 1975.

¹⁴ См.: Камынин В. Д., Пересторонина Л. И. Проблемы социальной структуры Урала в трудах академика В. С. Немчинова // Летописцы родного края: Очерки об исследователях Урала. Свердловск, 1990; Немчинов Василий Сергеевич // Камынин В. Д. Личностный фактор в исторической науке. Екатеринбург, 2012.

¹⁵ Harris J. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. N.Y., 1999. P. 51.

¹⁶ См.: Уральский рабочий. 1925. 19 ноября.